

Чжоу Цзыфэй чуть отстранился, но едва Шэнь Цзя, недовольно подавшись вперед, попытался продолжить поцелуй, снова прильнул к его губам.

— Учитель Шэнь, здесь можно?..

Его ладонь мягко поглаживала Шэнь Цзя по талии, а кончики пальцев так и норовили забраться под край домашней кофты.

У Шэнь Цзя потемнело в глазах от нахлынувших чувств, а покрасневшие губы слегка дрожали. Ничего не ответив, он лишь покрепче прижал Чжоу Цзыфэя к себе.

Сдерживая хриплое от возбуждения дыхание, Цзыфэй вновь вобрал в губы эти алые, влажные от поцелуев губы, а ладонь скользнула под одежду.

Стоило горячей ладони коснуться голой кожи, как Шэнь Цзя не удержался от тихого стога. Тонкий, чуть взлетающий звук до боли напоминал писк котенка, которого взяли за шкурку. Шершавая, мозолистая рука Цзыфэя щекотала кожу, заставляя мелкую дрожь пробегать по всему телу.

— Не... не надо там...

Отвернувшись, чтобы уклониться от очередного поцелуя, Шэнь Цзя перехватил руку, стремившуюся подняться выше.

— Малыш, ну всё же видно. Даже через одежду проступает. Разве это не значит, что ты хочешь?

Голос Чжоу Цзыфэя звучал глухо, с откровенно соблазняющими интонациями. Говоря это, он уткнулся подбородком в возбужденную плоть прямо через ткань и слегка притерся, выбив из Шэнь Цзя сдавленный возглас.

— М-м-н-н...

От такой реакции взбудораженный Цзыфэй окончательно потерял голову. Горячее дыхание обжигало ключицы сквозь распахнутый ворот, а колено решительно вклинилось между бедер Шэнь Цзя. Крепко сжав его хрупкую талию, Цзыфэй наклонился, намереваясь прикусить чувствительную кожу.

Бум! Бум!

Громкий, беспардонный стук в дверь раздался так внезапно, что Шэнь Цзя вздрогнул всем телом. Взгляд, ещё туманный от страсти, испуганно прояснился. Словно застигнутый врасплох

кот, он рефлекторно оттолкнул Чжоу Цзыфэя.

Тот только-только собрался сорвать свой куш, и внезапный отпор заставил его нахмуриться. На лбу вздулась жилка — словно у молодого волка, у которого вырвали добычу прямо из-под носа. Он уже готов был хищно притянуть Шэнь Цзя обратно, но тот ловко увернулся, выскользнул из-под руки, упиравшейся в стену, и в панике бросил:

— Там... кто-то пришел! Я пойду взгляну!

Судорожно поправляя на ходу распахнутую одежду, Шэнь Цзя с горящими щеками бросился к прихожей, даже не оглядываясь.

В душе он невольно благословлял этот стук: раздайся он секундой позже, и он бы позорно обмяк в руках Цзыфэя, а тот уж точно воспользовался бы его слабостью и выжал из ситуации всё!

Дыхание сбилось, сердце бешено колотилось в груди, губы горели, а во рту всё ещё стоял сладковатый вкус.

В таком смятении и стыде разум Шэнь Цзя на мгновение отключился. Он даже не подумал спросить через дверь, кто там, и сразу повернул замок.

На пороге стоял оборванный, запущенный человек, появления которого здесь никто не мог ожидать.

— Юй Сянхан?..

Шэнь Цзя ахнул от изумления. Чувственные, чуть припухшие губы слегка разомкнулись, а в растерянном взгляде промелькнуло недоумение.

По его виду казалось, будто Сянхан — последний человек на свете, который мог бы очутиться у его дверей.

— Шэнь Цзя...

Рубашка Юй Сянхана выглядела так, будто в ней спали, на воротнике желтели винные пятна, а на коленях брюк от костюма отпечатались грязь — похоже, где-то упал.

В его обычно ясных глазах налились кровью капилляры, залегли тяжелые темные круги, а потрескавшиеся сухие губы дрожали, произнося имя Шэнь Цзя.

— Ты... что с тобой?

Шэнь Цзя нахмурился. Он лишь приоткрыл дверь, перекрывая собой обзор на гостиную, и вовсе не собирался впускать гостя в дом.

— Я... я... Набирал тебя сотню раз... Хотел поговорить...

Но когда Сянхан разглядел стоящего перед ним человека, слова застряли у него в горле.

Он вдруг осознал, что Шэнь Цзя перед ним не имеет ничего общего с тем, кого он знал раньше.

На нем была шелковая пижама, воротник которой небрежно расстегнут, открывая шрам на шее. Эта гладкая, светлая кожа подернулась нежным румянцем — точно таким же, какой появлялся у него раньше только в моменты самой глубокой близости. Изнуренная, впавшая прежде физиономия округлилась и налилась здоровым цветом, а глаза больше не прятались, не избегали чужого взгляда, а смотрели прямо, сияя из-под длинных ресниц.

Но больше всего Сянхана поразили его губы.

Прежде бледные, теперь они выглядели припухшими, алели от прилива крови и влажно блестели, а аккуратная ложбинка на нижней губе выделялась особенно ярко.

Тот изможденный, блеклый Шэнь Цзя из прошлых воспоминаний остался в прошлом. Нынешний обладал кожей белее снега и ярко-красными губами, напоминая пылающую ветку цветущей мейхуа среди зимней стужи.

Чистый и ослепительно яркий.

Осознав это, Сянхан с невольным трепетом протянул руку. Ему непременно нужно было прикоснуться к нему, чтобы удостовериться: перед ним все тот же Шэнь Цзя, к которому он привык.

Однако Шэнь Цзя отшатнулся. На его лице отразилось настолько явное, резкое отвращение, что Сянхан опешил.

Его рука так и застыла в воздухе, а сердце болезненно сжалось от дурного предчувствия.

— Юй Сянхан?

Шэнь Цзя с растущим беспокойством смотрел на бывшего мужа, который застыл на пороге точно истукан и не откликался на слова.

Крепче сжав дверную ручку, он тревожно поджал губы, мельком оглянулся внутрь квартиры и, переведя дыхание, тихо проговорил:

— Юй Сянхан, давай поболтаем как-нибудь в другой раз. У меня сегодня нет времени...

Договорить он не успел. Сянхан мертвой хваткой вцепился в его запястье — да так сильно, что на белой коже мгновенно проступил багровый след.

— У тебя кто-то есть.

Голос Сянхана звучал сипло и сухо. Он не спрашивал — он утверждал, въевшись взглядом в глаза Шэнь Цзя.

— Тебя это не касается! Пусти!

В последние месяцы Чжоу Цзыфэй нежил его, холил и баловал, точно хрустальную вазу. Стоило Шэнь Цзя пожаловаться на головную боль, как Цзыфэй тут же принимался массировать ему виски; при малейшем недомогании в желудке согревал его живот своими горячими ладонями. За эти несколько месяцев Шэнь Цзя отвык от грубости и стал гораздо чувствительнее.

И когда его безжалостно сжали за запястье и потянули за руку, от резкой боли на глаза мгновенно навернулись слезы. Он не сдержал болезненного стога.

Шум перепалки у порога наконец привлек внимание Цзыфэя.

Сначала Сянхан услышал глухой шлепок домашних тапочек по деревянному полу, а затем раздался бархатистый, недовольный мужской голос:

— Малыш, кто там?

Это был молодой рыжеволосый парень.

Сянхан толком не успел разглядеть его лицо — заметив лишь, что на незнакомце надета точно такая же пижама, как у Шэнь Цзя. Не успели затихнуть его слова, как он хозяйским движением обнял Шэнь Цзя за плечи.

С властной, защищающей грацией он увлек его в свои объятия, спрятав под крылом.

— Ты...

Внезапное, с легкостью произнесенное «малыш» заставило щеки Шэнь Цзя вспыхнуть огнем. Вспомнив, на чем их только что прервали, он почувствовал, как сладко защемило в груди, а дыхание опять сбилось.

Горячая, сильная ладонь на талии заставила и без того разомлевшее тело окончательно потерять волю. Как новобрачная, над которой муж всю ночь неугомонно тешился, а наутро она, едва держась на ногах, вынуждена встречаться с гостями, так и Шэнь Цзя лишь бессильно принужден был опереться на своего повелителя.

Он позволил Цзыфэю плотно прижать руку к его боку и с пылающими ушами проглотил это ласковое «малыш».

Шэнь Цзя даже не замечал, с каким нежным, почти замороженным обожанием он смотрит на Цзыфэя.

Зато Сянхан видел всё.

С той самой секунды, как этот красивый юноша появился в дверях и прижал Шэнь Цзя к себе, в ушах Сянхана будто оглушительно нарастали шумы.

Ему казалось, будто кровь со свистом хлынула к голове, виски заколотило, будто по ним били молотами, а в затылке вспыхнула резкая боль.

Сердце остервенело билось о ребра, глухо выкрикивая что-то невнятное — да так, что хотелось разодрать грудную клетку и вырвать его наружу, чтобы спросить: что ты взбесилось?

Начиная от сияющих глаз Шэнь Цзя и заканчивая его алой, зацелованной улыбкой и тем, как безотчетно он прижимался к груди этого незнакомца...

Сянхан смотрел на это как в бреду, а в ушах эхом отзывалось заветное слово.

Малыш.

Малыш.

Малыш.

Кто-то называет Шэнь Цзя малышом?

Кто-то зовет «малышом» его бывшего, которого он сам бросил, который давно уже не молод и не хорош собой?

Кто-то называет этого скучного, блеклого, сервильного человека... малышом?!

Сянхан хотел было покривить губы в презрительной ухмылке, выдать ядовитую колкость или гордо повернуться и уйти, но ноги словно вросли в землю перед этой парочкой.

— Шэнь Цзя, кто он такой? — выдавил Сянхан.

— Сокровище, а это кто? — одновременно спросил Цзыфэй.

Первый говорил сорванным, неуверенным голосом, пытаясь изобразить тень хладнокровия, отчего выглядел еще более жалко.

Второй же держится непринужденно и свойски, а произнося слова, беззастенчиво слегка сжал пальцы на талии Шэнь Цзя.

Шэнь Цзя, доселе уютно гнездившийся у Цзыфэя на груди и гипнотизировавший взглядом те самые губы, что только что дарили ему негу, вздрогнул от этого движения. Он издал тихий, озадаченный вздох, точно его выдернули из сладкого сна.

Цзыфэй тиснул смешок, ласково взлохматил его шелковистые черные волосы на затылке и, промурлыкав: «Эх ты, глупыш мой», аккуратно поддел двумя пальцами его подбородок, поворачивая лицо к дверям.

Кончики ушей Шэнь Цзя вспыхнули, ресницы задрожали. «Я не глупый», — пробормотал он едва слышно и только тут вспомнил, что на пороге всё еще стоит гость. Его взгляд нехотя сместился на Сянхана.

При виде этого зрелища Сянхан сбледнул еще сильнее. Он не мог оторвать взгляда от руки, свободно покоящейся на нежной коже шеи Шэнь Цзя.

Казалось, эта рука толкает его в ледяную, непроглядную пучину, где от удушья кружится голова и вот-вот наступит конец, а в следующую секунду швыряет на костер, где огонь с треском пожирает его плоть и кости.

— Это... это Юй Сянхан, он... — сомневаясь, начал Шэнь Цзя.

Он постоянно оглядывался на Цзыфэя, нервничая и не зная, как правильнее выразиться.

Хотя он давно рассказал Цзыфэю про развод и про то, что у него есть бывший муж, всё происходившее между ними за последнее время и поведение Сянхана заставляли его опасаться столкновения этих двоих лицом к лицу.

Чрезмерная чувствительность подсказывала Шэнь Цзя, что из встречи Цзыфэя и Сянхана не выйдет ничего хорошего.

— Мы друзья, верно? Господин Юй пожаловал к нам с самого утра, да еще в таком... оригинальном виде, — подал голос Цзыфэй.

Он сделал шаг вперед, перекрывая широкой спиной половину фигуры Шэнь Цзя.

— У вас какие-то неприятности, господин Юй? Мы с Цзяцзя как раз позавтракали, а на эти выходные свиданий не планировали, так что время у нас есть.

Голос Цзыфэя звучал участливо и дружелюбно, точно он и правда был готов помочь, но на лице застыло совсем иное выражение.

Сдвинутые густые брови, ледяной, полный враждебности взгляд — и лишь на губах играла едва заметная тень усмешки.

Эта насмешливая, презрительная полуулыбка мгновенно взвила на дыбы желчь Сянхана.

— Отошел, — жестко обрубил он, пытаясь шагнуть вперед и оттолкнуть высокого парня. — Нас с Шэнь Цзя это касается, а тебя — нет.

— Ну как же не касается? Друзья Цзяцзя — мои друзья, — с готовностью подхватил Цзыфэй и с наигранным энтузиазмом пожал протянутую руку Сянхана, однако сжал ее с такой силой, что костяшки хрустнули.

— Моя фамилия Чжоу, и я...

Шэнь Цзя, затаив дыхание, слушал их словесную перепалку. Он интуитивно догадывался, к чему клонит Цзыфэй, и вертевшийся на языке ответ не заставил себя ждать.

—...возлюбленный Шэнь Цзя.

Эти простые слова словно лезвием распорили грудную клетку Сянхана. Внутри ворвался ледяной ветер, и только что безумно колотившееся сердце сжалось от холода.

Он изо всех сил пытался разглядеть Шэнь Цзя за широкими плечами парня, уловить хоть какую-то иную эмоцию на его лице, но видел лишь темную макушку.

Молчание Шэнь Цзя пугало.

Почему он молчит?

Почему не объяснит?

Почему не опровергнет?!

«Если этот парень — твой любимый, то кто тогда я?»

«Кем я прихожусь тебе теперь? Или... я больше вообще не заслуживаю даже упоминания?»

Сянхан изо всех сил пытался подавить рваное дыхание, стиснув зубы до вкуса крови во рту. И в этот миг ему вспомнилась тушка судака, которую Шэнь Цзя оставил на кухне в день, когда заговорил о разводе.

Та рыба давно сдохла, мутные белесые глаза запали, от нее несло сыростью и тиной.

Тогда Сянхан думал, что внезапный развод ничего в его жизни не изменит: еда, сон, работа — всё останется прежним.

Но когда он попытался почистить ту рыбу на ужин, нож соскользнул и глубоко полоснул по руке.

Капли крови упали на разделку, и перед глазами неожиданно всплыл образ Шэнь Цзя на кухне. Какой именно это был вечер, он уже не помнил.

В течение долгих лет, возвращаясь домой с работы, он привычно искал взглядом этот тонкий силуэт в кухонном проеме.

Шэнь Цзя натягивал фартук, полученный по какой-то акции в супермаркете «Юнхуэй» — с выцветшей красной надписью, связывал свои длинные волосы резинкой на затылке и сутился у плиты. От жара полупрофиль его миловидного лица покрывался капельками пота, придавая ему взъерошенный, домашний вид.

А когда вытяжка затихала и всё было готово, Шэнь Цзя опирался рукой о косяк, высовывался в комнату и с протяжной нежностью звал: «Сянха-ан, иди есть!»

Сянхан попытался воскресить в памяти, как Шэнь Цзя готовит. Он неумело расставил блюда на столе, но, глядя на пустое место напротив, вдруг ощутил острый укол одиночества.

В квартире горел лишь свет на кухне. Он сидел в полутьме за столом, зачерпнул кусочек рыбы — и почувствовал во рту лишь вкус крови.

Он забыл выпотрошить внутренности.

...

Может быть, та еда так и осталась лежать в желудке, отчего в горле у Сянхана сейчас подступала тошнотворная горечь?

Вся его жизнь превратилась в смердящую клоаку: старые совместные обеды, бытовые мелочи, выброшенное мясо, овощи и рыба забродили, выделяя удушливую вонь гниющего мусора.

— Шэнь Цзя... Шэнь Цзя, мне нужно поговорить с тобой! Я должен тебя видеть!

Бум!

Остатки разума Сянхана сгорели дотла в огне этих воспоминаний о тихих семейных вечерах.

С налитыми кровью глазами, бледный как полотно, пахнувший перегаром, он выглядел точь-и-точь как буйный пьяница. Вытянув руки, он пытался дотянуться до Шэнь Цзя за спиной рыжего парня.

— Давай поговорим!

— Шэнь Цзя, прошу тебя, нам надо поговорить!

Поговорить... А о чем им еще говорить?

Слова комом застряли в горле, и Сянхан не смел произнести их вслух.

«Шэнь Цзя, я пожалел.»

«Не надо было соглашаться на развод, не надо было гоняться за минутным удовольствием.»

«Я скучаю по тебе. Я безумно скучаю.»

«Пожалуйста, не выбирай другого... Пожалуйста, не будь ни с кем...»

— Ты совсем с ума сошел?! — Чжоу Цзыфэй нахмурился и потянул Шэнь Цзя вглубь квартиры, заслоняя его рукой и устремляясь закрыть дверь.

— Не... не закрывай!

— Умоляю, не закрывай! Шэнь Цзя! Ну хоть на минуту! Удели мне пару минут!

— Я... я...

«Я так скучаю по тебе. Я с ума схожу без тебя.»

«По твоей еде, по твоему запаху, по твоей улыбке, по твоим объятиям.»

Сянхан вцепился пальцами в дверной косяк, царапая штукатурку, и намертво повис на ручке, не позволяя Цзыфэю затворить дверь.

Цзыфэй сжал губы и с усилием толкнул тяжелую металлическую створку. Дверь с грохотом врезалась в пальцы Сянхана. Тот вскрикнул от боли, но руку не убрал — фаланги мгновенно распухли и налились багровым, мокрые волосы прилипли ко лбу.

— Не уходи, умоляю, не прогоняй меня, Шэнь Цзя, прошу...

Сила обычного офисного клерка не шла ни в какое сравнение с физической формой профессионального гонщика.

Однако Сянхан, точно капризный ребенок, повис на дверной ручке всем весом, давя коленями в пол и просунув локоть в щель, так что закрыть дверь было технически невозможно.

Цзыфэй уже занес ногу, чтобы выбить отсюда этого непрошеного гостя, когда Шэнь Цзя подал голос:

— Юй Сянхан. Ты выглядишь ужасно. Иди домой и отдохни.

Шэнь Цзя лишь слегка коснулся руки Цзыфэя, и тот мгновенно ослабил давление, уступая дорогу. Но при этом он остался стоять рядом, словно верный страж — обнял Шэнь Цзя за плечи и подозрительно впился взглядом в Сянхана.

— Оставь свой номер, мы поговорим по телефону. Сегодня... не лучшее время.

Шэнь Цзя со сложным чувством смотрел на бывшего мужа. Он не был полностью равнодушен.

В далеком и мрачном прошлом Сянхан не раз спасал его, когда тот находился на самом дне. И если бы Сянхан попал в беду сейчас, Шэнь Цзя, наверное, всё равно протянул бы ему руку помощи.

Хотя их пути давно разошлись и Шэнь Цзя не желал иметь с этим человеком ничего общего, видя перед собой этого изможденного, растерянного Сянхана, он невольно вспоминал те годы, когда они поддерживали друг друга.

Шэнь Цзя признавал за собой эту слабость — он был цепок к прошлой доброте. Не столько к конкретному человеку, сколько к искренности, которую тот когда-то подарил.

Ему доставалось так мало тепла, что даже кроха вызывала желание отплатить сторицей.

Но сегодня... сегодня был совсем иной день.

Шэнь Цзя перевел взгляд с широкой, укрывающей его ладони на мужественную линию подбородка Цзыфэя.

Обжигающая искренность, исходившая от этого юноши, не оставляла сомнений: как бы Шэнь Цзя ни отрицал очевидное, его сердце растаяло.

Из эгоистичного ли желания согреться или из более глубокой, стыдливой жажды...

Шэнь Цзя нуждался в Чжоу Цзыфэе. Нуждался в его чуткой, ненавязчивой заботе, в его присутствии.

И если бы прямо сейчас его заставили делать выбор, он бы без колебаний — впервые в жизни поступив эгоистично — выбрал Цзыфэя.

Он хотел остаться в этот осенний день с Цзыфэем, продолжить тот поцелуй. Пусть даже на мгновение, но стать беспечным мотом, сбегающим от всех проблем.

Просто греться в объятиях Цзыфэя, чувствовать его прикосновения, целующие губы — и ни о чем не думать.

Шэнь Цзя впервые честно поставил собственные желания на первое место. Он прижался к широкой груди Цзыфэя и спокойно ответил Сянхану, что не хочет сейчас встречаться и разговаривать.

— Что?..

— Ты... ты прогоняешь меня?..

Сянхан заикался от изумления, не веря ушам. Он смотрел на Шэнь Цзя, который всегда был кротким и покорным.

Он растоптал собственное достоинство, униженно молил его на коленях...

И этого мало?!

Неужели от бывшей любви не осталось даже капли жалости, даже мизерного сочувствия?!

Сяньхана прошиб холодный пот, рубашка на нем насквозь промокла.

Словно разорившийся нищий, потерявший последний золотой, он ползал на коленях, обшаривая грязь и камни в поисках капли бывшего богатства.

Он всматривался в черты лица Шэнь Цзя, но там больше ничего не было. Та нежность и привязанность, которыми он привык злоупотреблять, испарились без следа.

— Это ты... Это всё ты!

Сяньхан вслепую рванул Цзыфэя за воротник. Приоткрытая дверь распахнулась, и его искаженное мокрое лицо оказалось в опасной близости.

— Ты всё украл! Ты отнял его у меня!

— Верни! Верни его мне! Как ты смеешь забирать то, что принадлежит мне?!

Пальцы Сяньхана побелели. Словно выходчик из ада, с перекошенной от ненависти физиономией, он орал на Цзыфэя.

— Юй Сяньхан! Отпусти! Что ты делаешь!

Цзыфэй уже заломил ему запястье, собираясь отпихнуть, но Шэнь Цзя бросился между ними.

— Что за чушь ты несешь?! Цзыфэй тут ни при чем, не смей его трогать!

Шэнь Цзя вцепился в рукав Сяньхана. Тепло его пальцев передалось через ткань к коже, и мышцы Сяньхана напряглись, а затем слабо обмякли.

Они так давно не прикасались друг к другу... Это едва ощутимое знакомое тепло отозвалось в Сяньхане такой щемящей тоской, что у него перехватило дыхание, а на тыльную сторону ладони Шэнь Цзя упала горячая слеза.

— Я же сказал, что сегодня не могу! Перестань устраивать сцены! Если нужно поговорить,

обсудим потом, сейчас правда неудобно...

Шэнь Цзя даже не заметил, что Сянхан плачет. Едва тот разжал пальцы, как Шэнь Цзя на цыпочках потянулся к Цзыфэйю, тревожно разглядывая багровую полосу на его шее от натянутого воротника.

— Цзыфэй, ты как? Дай посмотрю. Наклонись, тебе больно?

Цзыфэй послушно нагнулся, позволяя Шэнь Цзя расстегнуть ворот и заботливо ощупать шею.

Сянхан снова оказался сброшен со счетов. Пошатываясь, он отступил на пару шагов назад. Он всё еще отказывался верить, что Шэнь Цзя уже с другим.

Сжав кулаки так, что ногти вонзились в ладони, он с садомазохистским упорством наблюдал за их трогательной нежностью. Каждая деталь этой картины разила его в самое сердце.

— Шэнь Цзя... Хотя бы пять минут, а?

— Давай поговорим пять минут. И после этого я больше никогда не появлюсь в твоей жизни.

Хриплый, надрывный голос заставил Шэнь Цзя снова обратить внимание на Сянхана.

Сянхан замолчал и лишь молча смотрел на него — вьедливо, запечатлевая каждую черточку, точно в последний раз.

Прошло немного времени, и Шэнь Цзя наконец кивнул.

Может, прошла всего минута, но для Сянхана каждое мгновение тянулось как вечность, выжимая из него остатки воздуха.

— Пойдем вниз.

Шэнь Цзя не хотел впускать его в дом.

...

— Надень пока мой свитер. И пальто тоже возьми мое.

Цзыфэй подхватил свой плотный свитер и попросил Шэнь Цзя поднять руки. Он заботливо натянул на него теплую вещь, аккуратно высвободил замявшиеся волосы, а затем накинул на

его хрупкие плечи тяжелое пальто.

— Твой приятель выглядит неадекватным. Если что не так — сразу зови, я мгновенно спущусь.

— Учитель Шэнь, если он станет требовать чего-то лишнего, думай в первую очередь о себе. Не стесняйся указывать ему на дверь.

— А вообще, мне лучше пойти с тобой. Я не буду подслушивать, просто постою неподалеку. Так ведь надежнее!

Цзыфэй опустил на корточки, застегивая пуговицы на пальто Шэнь Цзя, и ворчал без остановки, как вдруг почувствовал на своей голове мягкое прикосновение.

— Ты ведь младше меня на целых десять лет, а опекаешь как ребенка. Я что, совсем на неженку похож?

Ласковый, чуть ироничный голос Шэнь Цзя прозвучал прямо над ним. Цзыфэй замер и поднял глаза.

Улыбающиеся красные губы, светлое благородное лицо, сияющие глаза...

Этот образ навсегда отпечатался в его памяти.

— Я просто переживаю. Вечно кажется, что стоит мне отвернуться — и с тобой что-нибудь случится.

Цзыфэй обнял его за тонкую талию. Сидеть на корточках было неудобно, и он опустил на одно колено.

Уткнувшись красной лохматой макушкой в мягкий живот Шэнь Цзя, Цзыфэй жадно вдохнул запах кондиционера и стирального порошка, исходивший от одежды, и глухо спросил:

— Учитель Шэнь, тебе обязательно говорить с этим Юй Сянханом наедине?

Шэнь Цзя ничего не ответил. Его пальцы мягко перебирали жесткие волосы Цзыфэя, глядя затылок. Поколебавшись, он тихо сказал:

— Он... он мне не просто приятель. Он мой бывший муж.

— Я знаю.

— Знаешь?..

— Угу. Он взъелся на меня, потому что я назвал себя твоим парнем.

Шэнь Цзя слегка замялся, положив руки на плечи Цзыфэя, и хотел было что-то объяснять, но тот приподнялся, обхватил его за шею и мягко накрыл его губы своими.

Это был нежный, трепетный поцелуй, дышавший теплом.

Шэнь Цзя удивленно распахнул глаза, его пальцы рефлекторно сжали гладкую ткань свитера.

— Я знаю, что официально еще не заслужил этот статус... Но дай мне право защищать тебя сегодня. Хотя бы на один день, ладно?

— Учитель Шэнь слишком привлекателен, ему просто необходим рыцарь. Так что, пока ты не ответил на мои ухаживания согласием, позволь мне временно побыть в этой должности, идет?

Голос Цзыфэя звучал проникновенно и мягко. В его взгляде, устремленном на Шэнь Цзя, светилась безграничная любовь.

Шэнь Цзя молча смотрел на него. Впервые он не отвел глаз, не засмутился и не сбежал.

После развода желание найти опору, заботу и любовь заставляло его раз за разом подпускать Цзыфэя ближе.

Высокая стена, возведенная вокруг его сердца, давно рухнула. И разрушил ее не Цзыфэй — Шэнь Цзя сам разнес ее на куски.

Наверное, в тот самый момент, когда он перестал бояться смотреть Цзыфэю в глаза, когда каждое утро и каждый вечер думал не о былой боли и слезах, а о встрече с ним... В тот самый момент он решил шагнуть прочь из руин — навстречу новой жизни.

— И тебе этого достаточно? — с неясным чувством спросил Шэнь Цзя, легким прикосновением глядя Цзыфэя по щеке.

Цзыфэй опешил, а затем кивнул:

— Да, вполне. Я не буду тебя торопить.

— Ну ладно.

Шэнь Цзя убрал руку, чуть прищурился в теплой улыбке и взъерошил ему волосы. Направившись к двери, он позволил полам пальто выскользнуть из пальцев Цзыфэя.

У самой двери он обернулся и подарил парню еще один ослепительный взгляд.

— Жди меня дома, я быстро. Не волнуйся, я со всем справлюсь сам.

Цзыфэй так и остался стоять на одном колене. Он тупо смотрел на закрывшуюся дверь, затем — на свои пустые ладони. В душе поселилась странная досада.

Казалось, он только что упустил какой-то невероятно важный, судьбоносный шанс.

...

В подъезде атмосфера разительно отличалась от домашнего уюта. Сянхан нервно ждал, непрерывно сдирая заусенцы на пальцах — лишь эта острая боль помогала вернуть хоть какую-то чувствительность онемевшим чувствам.

Когда на всех десяти пальцах выступила кровь, у дверей наконец раздался шум.

Сянхан тут же взвился на ноги. Закусив губу, он с трудом протолкнул через сжатое горло имя:

— Шэнь Цзя...

Шэнь Цзя был завернут в явно великоватое ему по размеру черное пальто, из-под которого виднелся высокий ворот светлого свитера, закрывавший половину подбородка. На этом фоне его бледное лицо казалось совсем крошечным.

— Пошли. Что ты хотел сказать?

Когда Шэнь Цзя подошел ближе, Сянхан уловил тонкий шлейф чужого парфюма — незнакомый свежий цитрус.

Шэнь Цзя носил вещи этого парня, он весь пропитался его запахом... Включая эти алые, зацелованные губы.

Сянхан не смел об этом думать. Сжав зубы, он тяжело сглотнул и поплелся следом за Шэнь Цзя вниз.

Они остановились в небольшой закрытой от ветра беседке во дворе. Хотя осеннее утро дышало прохладой, день выдался солнечным, и ласковые лучи приятно согревали плечи.

— Почему... почему ты утром не отвечал на мои звонки? — вырвалось у Сянхана, едва он посмотрел на спокойный профиль Шэнь Цзя.

Но едва спросив, он тут же пожалел о содеянном, ругая себя за нелепую попытку выпросить лишнюю боль.

Шэнь Цзя повернул голову. Его взгляд скользнул по окровавленным пальцам Сянхана, по грязной, тонкой рубашке и, наконец, остановился на его изможденном, бледном лице.

Взгляд был беглым, отстраненным, но Шэнь Цзя не удержался от тихого вздоха про себя.

— Юй Сянхан, у меня своя жизнь. Я не могу висеть на телефоне круглые сутки.

— Да и какой смысл тебе лезть в мои дела? Неужели ты пришел только ради этого?

Шэнь Цзя говорил мягко, но его вопросы заставили Сянхана онеметь. Тот лишь беспомощно пролепетал:

— Я... я переживал, вдруг с тобой что случилось...

— Со мной всё в порядке. Я тебе уже не раз говорил: у меня всё хорошо.

Шэнь Цзя глубоко упрятал руки в карманы пальто. Мягкая, теплая ткань напомнила ему о том, как Цзыфэй грел его ладони в своих карманах.

Черты его лица смягчились, он уткнулся подбородком в высокий воротник свитера Цзыфэя.

— Вот как... всё хорошо... — механически повторил Сянхан. Внезапно он сделал шаг вперед, ввелся взглядом в глаза Шэнь Цзя и переспросил: — Кто тот парень? Тот, что у тебя в квартире.

Этот рыжий парень по фамилии Чжоу — молодой, красивый и открыто враждебный.

— Он же сам всё сказал, — спокойно ответил Шэнь Цзя, встретив его взгляд.

Этот чистый, без единой зазубрины взгляд окончательно оборвал натянутую струну в голове Сянхана. Он импульсивно подался вперед, схватил Шэнь Цзя за руку и, заглядывая ему в лицо, заговорил с умоляющими, нездорово горящими глазами:

— Я хочу услышать это от тебя, Шэнь Цзя! Только от тебя!

— Если ты не скажешь, я не поверю! Скажи мне, кто он такой! Пожалуйста, не лги мне...

«Умоляю, не лги. Не говори, что он твой парень.»

«Собрей! Скажи, что он никто!»

Шэнь Цзя не стал вырываться. Он стоял прямо и честно, чеканя каждое слово, произнес:

— Юй Сянхан. Он мой любимый человек. Мы встречаемся.

Пальцы Сянхана судорожно сжались, а затем медленно разжались. Свет в его глазах гас с каждой секундой.

— Встречаетесь... И давно?

Сянхан отступил на несколько шагов назад, опираясь на деревянный столб беседки. Он опустил голову и зашептал едва слышно:

— Вы уже целовались? Сколько раз он целовал тебя? Он знает, что ты любишь, когда тебя при этом крепко обнимают?

— А в постели? Вы уже спали вместе? Как он смотрит на твои шрамы? Знает ли он, как ты любишь...

Шэнь Цзя нахмурился, на его лице отразилось брезгливое недовольство. Он хотел пресечь эту похабщину, но Сянхан резко вскинул голову.

Его лицо исказилось, словно у тонущего, цепляющегося за последнюю соломинку:

— А этот парень знает про твоего отца?! Он защищал тебя? Спасал? Принимал за тебя удары, закрывал от ножа?!

Сянхан тяжело дышал, прижимая дрожащую руку ко лбу с вздувшимися венами, и продолжал сипеть:

— За что он тебя полюбил? Ты вообще думал об этом?! Вы же ничего вместе не прошли! Разве можно верить его «любви»?!

— Шэнь Цзя, почему ты с ним?! Он выглядит разве как серьезный человек?! Ты не боишься, что он просто поиграет с тобой и бросит?!

Шэнь Цзя больше не мог это слушать. Строгим, ледяным тоном он обрубил:

— Замолчи.

Сянхан уставился на него и с горькой усмешкой выкрикнул:

— Почему я должен молчать?! Что, задело за живое?! Ты—

— Юй Сянхан. Мы развелись.

Шэнь Цзя чеканил каждое слово. Его лицо оставалось бесстрастным, а во взгляде читалась такая отстраненность, какой Сянхан не видел у него никогда.

Он напомнил бывшему мужу о факте, который тот так упорно пытался игнорировать.

Сянхан застыл, точно кость встала у него в горле.

Фраза была простой, но Сянхан прочел подлинный, беспощадный подтекст.

Шэнь Цзя давал понять: всё это тебя больше не касается.

...

Не касается.

Они больше чужие люди?

Сянхан вдруг нервно расхохотался. Он согнулся пополам, уперся руками в колени и под непонятым взглядом Шэнь Цзя хохотал всё громче и громче. Спина его дрожала, горло сжимали судорожные спазмы, а из глаз полились слезы.

Десять лет отношений. Прошло всего пять месяцев после развода — и Шэнь Цзя с корнем вырвал всё, что их связывало?

<http://bllate.org/book/19971/1985915>